

ПИСЬМО Н.Д.ЧЕЧУЛИНА М.Л.ЛОЗИНСКОМУ

Борисоглебск.

Дорогой Михаил Леонидович.

Длинное, «официозное», не для Вас одних предназначенное письмо нужно мне дополнить этою, так сказать, «препроводительною бумагою», характера чисто частного. Я почти совершенно убежден, что ничего реального из трактуемого предположения не выйдет; но меня заинтересовала, увлекла материя письма, и я отнимаю у Вас слишком много времени едва ли интересными для Вас частностями; пеняйте, впрочем, на себя: Вы дали мне тему, но не сердитесь и на меня: тема для меня слишком увлекательна, – как звук трубы для уже состарившейся клячи, но когда-то выступавшей и в рядах. На одно мне хочется очень надеяться: что это письмо доставит мне все же Ваш ответ, – а мне все выходящее из Библиотеки всегда так приятно.

Как у Вас? Что потеря портфеля А.И.¹? Мой большой поклон ему и привет другим Вашим сотрудникам, которые меня добром поминают.

Всего хорошего. До свидания.

Весь Ваш Н. Чечулин.
12 января 92.
п.о. Яганово, Череп. губ.
Борисоглебск

Многоуважаемый и дорогой Михаил Леонидович.

Раз Иннокентий Иванович² заговаривал с Вами о желательности – хотя и остающейся весьма слабою – приобрести для Библиотеки мою коллекцию гравюр, раз и Вы не относитесь к это мысли с принципиальным отрицанием, готов и я вступить в такие разговоры, как проблематично ни представляется мне подобная покупка. До войны я не согласился бы расстаться со своею коллекциею, которой посвятил только внимания, которою так интересовался, которую, наконец, прямо любил, – иначе как за сумму, которая дала бы мне возможность начать другое художественное собрание; ее я теперь не решусь и назвать, и думать о ней не смею. Настоящее время – дело другое, да и речь о приобретении для Библиотеки, с которою связана вся моя жизнь.

Скажу, поэтому, о составе, содержании и общей ценности моего собрания, присоединяя и некоторые анекдоты и, наконец, о цене, за какую готов я уступить коллекцию Библиотеке.

Составляющие ее листы, вообще говоря, в хорошем, даже очень хорошем виде; листы XVI, тем более XV в., приходилось включать и плохие, но таких вообще не много, и, исключив листов 800, о поступлении которых упомяну далее, могу сказать, что у меня больше найдется листов в состоянии безупречном, блестящих, девственных *avant la lettre*³, чем листов в состоянии плохом; у меня множество гравюр не в последних состояниях, а в предшествующих, счетных⁴, не раз рядом с *avant la lettre* и даже неоконченными, – и оконченные, что особенно интересно при изучении гравирования; немало у меня листов и из известных коллекций XVII – XIX в., с подписями или штемпелями прежних владельцев.

От других частных коллекций, которых мне известно 15 – 20, моя в выгодную сторону отличается своим составом. Обыкновенно собирают или определенные сюжеты, или произведения определенной эпохи, или известной школы, или одного мастера. Хорошие собрания в таком роде каждое лучше соответственной части моего. Я ставил целью собирать лучшие работы лучших мастеров и по возможности полнее представить всякую школу в области гравирования резцом и офорта, – другие приемы гравирования составляли обыкновенно только моду, и я ими не интересовался.

В указанных пределах мне и удалось составить собрание до 4 500 листов, очень равномерное и могущее служить для изучения истории гравировального дела; в нем до 30 – 40 гравюр еще XVв., около 300 – 350 – XVI в., свыше 1000 – XVII, до 2000 – XVIII, около 1000 – XIX в.

Моя коллекция не есть сбор листов, случайно мне попадавшихся; цель свою я преследовал неуклонно. Я, конечно, всегда должен был справляться со своими средствами; но – в пределах возможного для меня – если представлялось возможным приобрести или довольно много, даже красивых листов, но не особенно замечательных, или одну–две вещи, которые бы пополняли историю гравирования, или – имевшееся уже у меня собрание работ известного художника, или, наконец, являлись другими состояниями хороших гравюр, у меня уже имевшихся, я всегда менее всего думал о количестве, – так лет 15 назад, я отказался от приобретения приблизительно тысячи листов гравюр с картин Рубенса⁵, finding, что оно нарушит пропорциональность моей коллекции и, так сказать, разжижит ее, вследствие того, что в состав его вошло бы много вещей и слабых. В коллекции моей немало листов, выставленных и в Эрмитаже, и в отделении эстампов *Bibliothèque Nationale* в Париже; много также у меня

оригиналов, которые воспроизведены, как образцовые или редкие, у Amand-Durand⁶, у Lippmann⁷ и в других изданиях. Когда лет 15 назад исполнялось издание Лемана «Гравюра и литография»⁸, для снимков с иностранных работ из моего собрания взято было листов более, чем из какого другого собрания, хотя обратились ко мне не к первому, а к последнему: я не член кружка, издававшего книгу. Если взять двухтомную работу Андресена «Handbuch für Kupferstichsammler»⁹, 1870–1873, где указаны лишь лучшие листы значительнейших мастеров – незначительные и не упомянуты, – то можно видеть, что в моей коллекции из работ тех мастеров, которые названы у Андресена, никак не менее половины тех, которые упоминает и Андресен. Было бы, с моей стороны, конечно, смешно говорить, что у меня достигнута цель – представлена воочию вся история гравирования: к такой цели только стремятся и государственные собрания, на пополнение которых тратятся огромные средства, которые считают у себя листы сотнями тысяч, как в Вене. Но во всяком случае, солидное основание такой истории моя коллекция представляет. И с этой стороны она особенно была бы у места именно в Публичной Библиотеке, задача которой служить изучению всяких отраслей духовной деятельности. Особенно хорошо представлена в моей коллекции французская школа с ее расцвета в конце XVII в. и далее; затем голландская – XVI – XVII в., хорошо представлена и немецкая с XVI по XIX; итальянская, испанская, английская – менее полно. Не мало у меня и очень хорошего и из русской гравюры, но это бледнеет пред шедеврами других школ, у меня собранными.

С живым волнением при воспоминании о стольких превосходных вещах и с гордостью думаю я, что у меня свыше 50 листов Эделинга¹⁰, этого, по моему мнению, величайшего гравера par excellence – Рембрандт¹¹ и Дюрер¹² были и живописцами; в гравюрах Эделинга соединились сила и красочность, выработавшиеся в школе, группировавшейся около Рубенса, – Эделинг и сам был фламандец, с блеском, изящностью и тонкостью работы, ничуть не ослаблявшей силы, которая особенно развились в XVIII у представителей французской школы, в XVIII в. приобретшей господство в Европе. У меня есть любимая вещь Эделинга – его портрет Фан-Шампаня; его великолепный портрет Дильгера, чрезвычайно редкий, так как доска потонула при пересылке ее заказчиком в Данциг; «Св. Семейство» с Рафаэля¹³, в состояниях 2-м и 4-м, превосходная, во многих отношениях любопытная и жадно разыскиваемая работа; первого ее состояния известно только два экземпляра; «Кающаяся Магдалина», «Christ aux anges» и много другого, — одним словом все главнейшие шедевры Эделинга. И если бы Рокфеллер или Форд¹⁴ вздумали собрать его работы, — они не скоро могли бы

составить такое же собрание, и когда бы оно стало богаче количественно, оно не было бы много выше в художественном отношении.

У меня есть до 10 листов – и между ними отличнейшие – старшего современника Эделинга, гениального Жерара Одрана¹⁵, до 20 – Нантейля¹⁶, 8 – Массона¹⁷, и в их числе превосходнейшие его вещи, до 20 превосходных работ, достойных украсить всякое собрание, исполненных представителями фамилии Древе¹⁸, до 30 – и в их числе тоже архипервоклассные вещи – работ Вилля¹⁹, бывшего учителем чуть не всех выдающихся граверов Европы во второй половине XVIII в. Наконец, у меня 17 листов Бервика²⁰, давшего наивысшие образцы силы, блеска и изящества работы. Бервик оставил всего около 25 работ – и у меня почти все, что из его работ не является почти униками; у меня есть его великолепный Лаокоон, портреты Сенах(к) де Мельяно, Линнея, Масальского, его Repos – «avant la lettre» avec la lettre и копии с него; наконец – его поразительный Людовик XVI, отпечаток с не разрубленной еще доски и с карандашной подписью Бервика; исполненная с неважного портрета Калле²¹, эта гравюра является поистине царственным произведением гравировального искусства.

Из гравюр голландской школы XVII в. моей коллекции более 20 листов гениального Корнелия Висхера²², — и среди них удивительный портрет Бумы, имеющий лишь тот недостаток, что он не говорит, множество отличных произведений граверов, окружавших Рубенса и работавших по его личным указаниям; есть у меня и небольшой офорт несомненно и самого Рубенса и еще два, по видимому его самого. Рембрандт у меня не представлен ни одним из его шедевров, да последнее время Рембрандт так собирается, что почти не доступен частным собирателям, не располагающим очень большими средствами; но все же у меня до 30 листов Рембрандта, частью – в оттисках не важных, но несколько – в очень хороших, а один, небольшой, в состоянии удивительной свежести. Известные голландские художники, как Бергель²³, Боль²⁴, Ван-Дик²⁵, Ватерлоо²⁶, Кюйп²⁷, Остаде²⁸, Поттер²⁹, Теньер³⁰ и мн. другие, – работавшие офортом, представлены у меня не менее, чем (в) двухстах листах, часто превосходных и очень интересных. Блестящим образом, в оттисках такой свежести, в какой листы XVI в. сохранены чрезвычайно редко, представлен у меня более, чем десятком листов Сенредам,³¹ художник и гравер высоко замечательный, истинный хранитель заветов великого основателя голландской школы Луки Лейденского³². Сам Лука Лейденский (XV—XVI в.) представлен у меня семью листами, в числе которых превосходный оттиск его знаменитого эстампа «Блудный сын» и перл моей коллекции – «Предающаяся радостям жизни Магдалина», в продаже давно уже достигшая цены много выше 1000 марок.

Из произведений немецкой школы у меня 15 листов Дюрера, в том числе некоторые известные редкие его работы, и в отличных оттиках; из гравюров XV в. – два листа Шонгауера³³, листы Цазингера³⁴ и Круга³⁵; довольно много листов последователей и учеников Дюрера. Немецкая гравюра из-за религиозных смут XVI в., а потом тридцатилетней войны, – вскоре глубоко пала, и я не старался за это время вводить в свою коллекцию более того, что было необходимо, как иллюстрация тогдашнего положения немецкой школы. Она вновь расцвела только около середины XVIII в. – сначала в работах Г. Фр. Шмидта³⁶, а потом отца и сына Миллеров³⁷, – и Шмидта у меня до 50 л., среди которых несколько превосходных и редких листов, и до 15 прекрасных листов Миллеров, в том числе и знаменитая Сикстинская Мадонна, в оттиках с подписью и до подписи.

Из итальянских гравюр у меня есть 15 л. Моргена³⁸, в том числе превосходный отклик его знаменитой Тайной Вечери, его замечательное Преображение с Рафаэля в оконченном виде и в прекраснейшем оттике с еще неоконченной доски, великолепный отклик его Форнарины. Из итальянских гравюр у меня до 20 листов XV в., правда, в состоянии не блестящем, но они всегда редки, в их числе есть и листы Мантеньи³⁹. Лучший из итальянских гравюров гениальный Марк Антонио Раймонди⁴⁰, которому Рафаэль поручал передавать на меди многие свои эскизы, представлен у меня более чем 20-ю листами, в том числе «Триумф», «Александр приказывает убрать поэмы Гомера» в отличных оттиках, и наконец в превосходном виде его знаменитое «Избиение младенцев»; известно, что на некоторых досках Марк Антонио контуры прокладывал сам Рафаэль, – и, глядя на этот эстамп, мне кажется, почти несомненным, что и к нему приложил Рафаэль свою руку. Мой экземпляр, во всяком случае, дает возможность решить некоторые спорные вопросы, давно возникшие около этого знаменитого произведения.

Не стану уже говорить о листах, представляющих случайную редкость и ценность, как, напр[имер], об долго остававшемся неизвестным листе лучшего испанского гравера XVIII в. Кармоны⁴¹, о таком же офорте немецкого живописца XVIII в. Антона Граффа⁴², может быть неопisanном и поныне, о неизвестной копии с листа Рибейры⁴³, если только это не есть повторение, сделанное самим Рибейрой, наконец, о листе долго почитавшемся работой Г. Фр. Шмидта, но оказавшемся копией с его листа, сделанного абб. Деноном⁴⁴, что я и разъяснил в «Библиофиле»⁴⁵, так как у меня оказались и оригинал и копия, остающаяся, таким образом, пока уникалом. Позволю себе упомянуть о впечатлении, какое произвел подбор листов моей коллекции и состояние их на некоторых лиц, с нею знакомившихся. Хранитель отделения гравюр в Румянцевском Музее, посетив меня именно по гравюрным делам, с лестною для меня жадностью долго

рассматривал висевшие у меня в гостиной 30 листов – правда, они из числа 200 – 250 лучших моей коллекции – и потом сказал мне: «Я только у Вас начинаю понимать, что значит хорошие гравюры; у нас есть, кажется, все это, и конечно, и еще другое хорошее; но у нас между каждыми двумя хорошими листами приходится пересмотреть сотни листов хлама, у Вас – все это рядом, и – лист к листу». Подобное же суждение высказывали и другие любители.

Извините, многоуважаемый Михаил Леонидович, если слишком разболтался, и, может быть, утомил Вас неинтересными Вам подробностями и мелочами; но для меня столько связано воспоминаний и с моей коллекцией, и с самым коллекционированием. Пора, однако, обратиться к вопросу и о цене. Позвольте еще одно отступление. Вы и другие могут, пожалуй, подумать, что я слишком возвышаю цену того, что мне принадлежит. Кажется, я не склонен к этому. Сейчас мне припоминаются, по крайней мере четыре случая, когда мне предлагали за плату исполнить некоторую ученую работу, — и всякий раз мне предлагали в два, и даже в три раза более, чем я рассчитывал бы получить и сам спросил бы.

Вообще я покупал очень дешево. Главным образом объясняю я это просто счастьем, но отчасти могу указать и другие более ясные причины.

Лет 25 – 20 тому назад у наших продавцов гравюр была еще очень не гибкая скала цен: 10 коп., – 50 коп., 1 р., – 2 р. – 3 р., – 5 р., редко 10 р., еще реже 15 – вот все цены, по каким распределялись все гравюры; выше ценились почти одни эротические сюжеты, за которыми я ничуть не гонялся. Я почти всегда давал то, что просили, и если торговался, то обыкновенно так: отобрав нравившиеся мне листы рублей на 30, 40 или и больше, предлагал несколько менее – и положительно не помню, чтоб когда-нибудь расходился из-за цены. Но среди того, что оценивалось в одну из вышеуказанных цен, всегда оказывались вещи и не стоявшие такой цены, и стоившие много дороже – частью по случайной редкости, частью и по художественной ценности. И я считал не только своим правом, а своею обязанностью выбирать именно лучшее; мне казалось, что я этим, так сказать, спасаю хорошие вещи от тех, кто не понимает их цены. Они и переходили в мою коллекцию. «Что же это!?» – воскликнул лет 15-20 тому назад один собиратель, обозревая мое собрание. – «По значкам (торговцев) я вижу, что все это оттуда, где и я постоянно покупаю; почему же все это попало к Вам, а не ко мне!!» Но есть много людей, у которых при виде множества хороших вещей, именно от их массы, глаз быстро утомляется, внимание слабеет, и они уже не [в] силах тонко ценить и выбирать хорошее. Я это состояние понимал и внимательно его остерегался; не один десяток раз я просто уходил из магазина, сказавши, что мне что-то ничего не нравится и я ни на чем не могу остановиться; может быть и

просто я одарен в этом отношении какою-то устойчивостью; кроме того, я знал много хорошего, пересмотревши многое в Париже, в Мюнхене, Дрездене, Берлине и здесь, в Эрмитаже. Кроме того, я постоянно справлялся в разных изданиях, чтобы выбирать лучшее. Наконец, мне кажется, как-то благоволили и продавцы гравюр, — может быть потому, что они знали твердо, что никогда я гравюрами, какия у них покупаю, не маклачу, что, нельзя умолчать, нередко позволяли себе собиратели. Приведу несколько случаев особо счастливых своих приобретений.

У меня есть один офорт Ван Дика; их вообще не так мало и у меня до десятка; но тот, о котором я говорю теперь, один из лучших и ценных. 25 л[ет] тому назад я заплатил за него 10 коп., и лет через 10 другой экземпляр его, чтобы его подарить, купил за 5 р.; в каталогах ему цена от 20 до 30 марок. Я купил за 3 р. и за 5 руб. два небольшие листа Вилля, оба *avant la lettre, pendant друг другу*, — и сам видел в одном из берлинских каталогов их, тоже *avant la lettre*, по 250 марок за каждый. За два листа, — правда, Дюрера и Луки Лейденского, за которые в 1898 и 1899 г.г. я заплатил 3 р. и 8 р., мне в 1908 г. в Германии предлагал один очень большой торговец гравюрами 300 и 500 марок, хотя по автотипическим снимкам, на основе которых шла речь, далеко нельзя было видеть в каком они превосходном у меня виде. Известный лист Массона «*Cadet à la perle*» я купил за 8 р. Через несколько лет парижанин, причастный к торговле предметами искусства, рассматривая этот лист, восхищался им и сказал: «У меня был этот лист; я продал его за 1000 фр. — но он далеко не в таком прекрасном состоянии». Портрет Бумы раб[оты] Висхера я видел в одном Лейпцигском каталоге; лист был обрезан так, что срезана была и значительная часть гравированного поля; для листов XVII в. это уменьшает цену *minimum* в 5 раз, — он расценен был в каталоге в 80 мар., — свой превосходный экземпляр я получил за 25 р. Однажды мне предложены были за 100 руб. 8 сплетенных томов с более чем 1000 гравюр; среди них было листов 800 хламу, но и листы небольшие, но интересные; купить надо было все сразу, и я и купил все, и не раскаиваюсь; 200 порядочных листиков с избытком стоили ста рублей, но между ними оказалась гравюра, меня очень заинтересовавшая; я стал по разным изданиям разыскивать, что это такое, — и, наконец, у Zani, *Cyclopaedia artistica*⁴⁶, нашел его описание: это оказался офорт Браманте⁴⁷, один из трех или четырех известных после него офортов. Когда через несколько лет я писал к Бернеру в Лейпциге и просил хоть приблизительно указать цену этого листа, он ответил, что не может этого сделать даже и приблизительно; по ценам, которые в этом письме мелькали, я думаю, что затруднялся он в сотнях марок, если не выше. Впрочем, в последние годы своего

собирания я не раз платил за отдельные листы по сто и более рублей и наивысшая цена, заплаченная мною за один лист, была 325 руб.

Цены на гравюры растут непрерывно и очень быстро, о чем можно судить по одному французскому каталогу аукционов, – не помню названия, но стоит он, кажется, сзади г-жи Миллер⁴⁸, чуть ли на 7 или на 8-й полке; на моей памяти в России цены на гравюры в 20 л[ет] много более, чем удвоились, в Германии возросли кажется еще выше: я помню каталог 1906–1908 года, где три знаменитейшие гравюры Дюрера «Меланхолия», «Ritter, Todt & Tufel», и «св. Иероним в келье» оценены вместе в 2 500 марок, в хороших состояниях, в 1912 – 1914 гг. они ценились, в оттисках, может быть, и особенно хороших, все три – почти в 20000 марок. Этим именно гравюр у меня нет; но есть немало и редких, и превосходных, цена которым должна очень возрасти, хотя, впрочем, не как на гравюры Дюрера, который в Германии особенно дорожал летом 1908 г. Я показывал в Дрездене печатный каталог моего собрания одному из очень крупных немецких торговцев гравюрами. Он сказал мне: «Собирать коллекцию с таким вкусом и знанием, как вы это делаете, значит, помещать капитал по 10 % в год; этим я хочу, – добавил он, – указать на ее достоинство и значение».

С 1894 г., когда я сделал первые покупки, по 1916 г., после которого в мою коллекцию поступило десятка два листов, я затратил на гравюры до 17 000 р. Помня, как возрастает цена на гравюры и применив выше указанный расчет из 10%, я рассчитываю так: истраченные мною в 1894 – 1904 г. пять тысяч рублей должны обратиться более, чем в 20000 тысяч, а истраченные в 1905 – 1916 г. двенадцать тысяч – более, чем в 25 000, в общем, почти в 45 000 р. Но, чтоб считать в деньгах, не подверженных колебаниям, я готов уступить Публичной Библиотеке все собрание за сумму в 20 000 долларов северо-американских соединенных штатов с рассрочкою на очень льготных условиях.

С совершенным почтением Н. Чечулин
18 – 22 янв. 1927.
п. о. Яганово.
Борисоглебск.

-
- ¹ По-видимому, речь идет об историке церкви, чл.-корр. АН, Александре Ивановиче Бриллиантове (1867–1933), близком знакомом Н.Д.Чечулина, уроженце соседнего с Череповецким, Кирилловского уезда Новгородской губернии. В 1921–1930 годах – сотрудник Публичной библиотеки.
- ² Иннокентий Иванович Яковкин (1881–1949) – историк права, библиотековед и библиограф. В 1924–1929 годах – заместитель директора Публичной библиотеки.
- ³
- ⁴ Состояние – оттиски, характеризующие состояние доски на разных стадиях работы над ней, отличающиеся друг от друга добавлением или снятием штрихов.
- ⁵ Рубенс Питер Пауль (1577–1640) – фламандский живописец и рисовальщик.
- ⁶ Armand-Durand – французский историк искусства, автор многочисленных каталогов гравюр, в частности П. Поттера, А. Мантеньи, Т. Руссо и т.д.
- ⁷ Lippmann F. – автор знаменитых справочников по гравюрам и рисункам, в том числе посвященных Л.Кранаху, итальянским граверам, собраниям берлинских музеев.
- ⁸ Lehmann J.
- ⁹ Andresen A. Handbuch für Kupferstichsammler. Leipzig, 1870–1873.
- ¹⁰ Эделинк (Эделинг) Жерар (1640–1707) – фламандский гравер
- ¹¹ Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) – голландский живописец, рисовальщик, офортист.
- ¹² Дюрер Альбрехт (1471–1528) – немецкий живописец, график и гравер.
- ¹³ Рафаэль Санти (1483–1520) – итальянский живописец и архитектор.
- ¹⁴ Рокфеллер Джон (1839–1937) – основатель одной из крупнейших финансовых групп США; Форд Генри – основатель автомобильной компании «Форд мотор», один из богатейших людей США и мира.
- ¹⁵ Одран Жерар (1640–1703) – французский гравер.
- ¹⁶ Нантейль Робер (1618 или 1623–1678) – французский гравер.
- ¹⁷ Массон Антуан (1636–1700) – французский гравер.
- ¹⁸ Древе Пьер (1663–1738), Древе Пьер Эмбер (1697–1739), Древе Клод (1705–1781) – семья французских граверов.
- ¹⁹ Вилле Георг (1715–1807) – французский гравер.
- ²⁰ Бервик Шарль Клеман (1756–1822) – французский гравер.
- ²¹ Калле Антуан Франсуа (1741–1823) – французский живописец.
- ²² Висхер Корнелис (1629–1658) – голландский гравер.
- ²³ Бергер (у Н. Ч. ошибочно – Бергель) Даниэль (1744–1824) – немецкий гравер.
- ²⁴ Боль (Больт) Йоганнес Фридрих (1769–1836) – немецкий гравер.
- ²⁵ Ван-Дик (Ван-Дейк) Антонис (1599–1641) – фламандский живописец и офортист.
- ²⁶ Ватерлоо (Ватерло) Антонис (1618? –1677?) – голландский живописец и гравер.
- ²⁷ Кюйп (Кейп) Альберт (1620–1691) – голландский живописец и гравер.
- ²⁸ Остаде Адриан (1610–1685) – голландский живописец и офортист.
- ²⁹ Поттер Пауль (1625–1654) – голландский живописец и гравер.
- ³⁰ Теньер (Тенирс) Давид (1610–1690) – фламандский живописец и гравер.
- ³¹ Сенредам (Санредам) Ян Питерс (1565–1607) – голландский живописец и гравер.
- ³² Лука Лейденский (1494–1533) – нидерландский живописец и гравер.
- ³³ Шонгауэр Мартин (после 1445–1491) – немецкий гравер.
- ³⁴ Цазингер Маттеус (1477–?) – немецкий гравер.
- ³⁵ Круг Людвиг (?– 1532) – немецкий гравер.
- ³⁶ Шмидт Георг Фридрих (1712–1775) – немецкий гравер.
- ³⁷ Миллер Йоханн Готтхард (1747–1830) – немецкий гравер; Миллер Фридрих Вильгельм (1782–1816) – немецкий гравер, сын Й.Г. Миллера.
- ³⁸ Морген Раффаэлло (1758–1803) – итальянский гравер.
- ³⁹ Мантенья Андреа (1431–1506) – итальянский живописец и гравер.
- ⁴⁰ Раймонди Маркантонио (1480–до 1534) – итальянский гравер.
- ⁴¹ Кармона Мануэль Сальватор (1730–1787) – испанский гравер.
- ⁴² Графф (Граф) Антон (1736–1813) – немецкий живописец.
- ⁴³ Рибейра (Рибера) Хусепе (1588–1656) – испанский живописец и гравер.
- ⁴⁴ абб. Денон Доменик Виван (1747–1825) – французский живописец и гравер.
- ⁴⁵ Библиофил
- ⁴⁶ Zani P. Enciclopedia metodica critico-regionata delle belle artistica: 28 v. P., 1819–1824.
- ⁴⁷ Браманте Доната д’Анжело (1444–1514) – итальянский архитектор.
- ⁴⁸ Миллер (Мюллер) Александра Петровна (1889 или 1890 – 1941?) – искусствовед, литературовед, сотрудник Отделения изящных искусств и технологий Публичной библиотеки. Систематизатор, каталогизатор и хранитель фонда гравированных портретов Публичной библиотеки.